

НАШЕ
РАДИО

18+

**ПАВЕЛ
КАШИН**
ПО ВОЛШЕБНОЙ РЕКЕ

Павел Кашин
Павел Кашин. По
волшебной реке
Серия «Легенды русского рока»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32825583
Павел Кашин. По волшебной реке / П. Кашин: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-982509-8

Аннотация

«Павел Кашин. По волшебной реке» – уникальное издание, которое непременно придется по вкусу всем почитателям творчества этого артиста. Со своими читателями Павел делится воспоминаниями из детства, армии, Питера и Америки. Делится сокровенным и дорогим сердцу. Рассуждает о жизни и смерти, о творчестве и поэзии, о любви и дружбе, о мужчинах и женщинах и многом другом.

Артист рассказывает, какие жизненные события и какие мысли навели его на создание каждой песни каждого из альбомов, и представляет вниманию читателей уникальные кадры из семейного архива.

Павел Кашин, автор-исполнитель песен, поэт и музыкант, – уникальный представитель современной российской культуры.

Его музыка проникновенна, а тексты песен заставляют задуматься о главном.

Книга Павла Кашина – это история о его музыкальном пути, творчестве и песнях. Она хранит в себе ранее не озвученные воспоминания музыканта по каждой написанной им песне, стихи и слова песен. На страницах этого исключительного издания поклонники Павла найдут ранее не изданные фотографии из личных архивов певца и его окружения.

Содержание

Детство	6
Армия	17
Карьера	25
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Павел Кашин
Павел Кашин. По
волшебной реке

© Кашин П., текст, 2018

© Дубровская М., фото, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Детство

Интерес к музыке, творчеству во мне пытались пробудить мои родители, когда мне было лет десять, наверно. Моя сестра Татьяна меня на три года старше, и нас с ней отдали в музыкальную школу насильно, в принципе. Татьяна выразила бóльшую способность слуховую и ритмическую, и ее взяли на класс фортепиано, что считается элитой в музыкальных школах, в музыкальных училищах и в консерваториях. Меня, Слава Богу, не взяли на фортепиано. Слава Богу, потому что фортепиано – это все-таки детская тюрьма: человек просто не может иметь никакого детского счастья, как поиграть в футбол, хоккей, да и вообще... Меня отдали на баян, где все намного проще. Не скажу, конечно, что баян давался элементарно: порой действительно приходилось как следует потрудиться. Единственное: физически, баян, наверно, более утомительный инструмент. А вообще, он отлично развивает чувство русского задора и веселья, потому что в баяне нет сложных аккордов: музыканты знают септаккорды, сектаккорды, есть просто три аккорда и это уже весело. В то время еще, когда я поступал в музыкальное училище, баянисты его были финансовой элитой, потому что только их приглашали на свадьбы. Пианисты жили на родительские деньги.

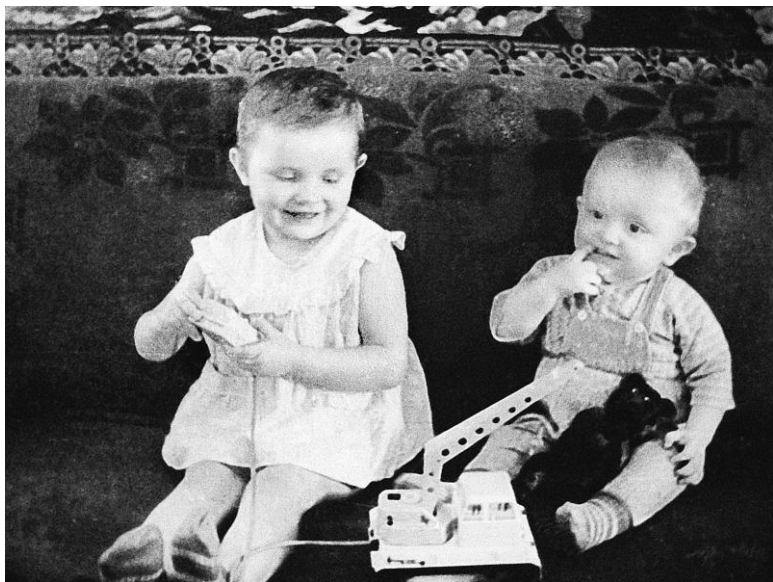
Мы с сестрой воспитывались в строгости нищеты. Строгость заключалась в том, что нужно было делать игрушки самому. В семье довольно логично объяснялось, что иметь деньги только на еду – это нормально. Ну, надо сказать, что

на еду всегда действительно хватало. Но когда мама потратила рубль на такси, чтобы проводить папу (папа просто работал в аэропорту, и тогда куда-то полетел), мы потом прямо устали целый месяц слушать о том, какие таксисты паразиты и как они много дерут.

На самом деле, интерес к музыке во мне проснулся не сразу, и в моем детстве было загублено несколько карьер. Как всякий мальчик, который жил в Казахстане, будучи в самом далеком пространстве от любого океана, моря, озера, пруда,

я мечтал быть моряком. В детстве я посмотрел фильм Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», и, наверно, его талант вдохновил меня на то, чтобы быть моряком. Почему я хотел быть моряком мне совершенно непонятно: абсолютное отсутствие логики, потому что в фильме показывают, как морякам дают гнилое мясо. Кстати, мое первое стихотворение было тоже сочинено про моряков. Сочинил я его лет в пять: оно было про моряка, который шел с тачкой против ветра в лесу. Я не знаю, откуда в лесу ветер. В общем, образ был весьма героический.

Моя мама, работая на швейной фабрике «Большевичка», хорошо шила, и каждый раз к празднику она мне делала какой-нибудь костюмчик. Я помню, что пришел в детский сад на какой-то утренник в костюме моряка с большим воротником и бескозыркой. Понятно, что мальчики в таком возрасте обычно в два раза меньше девочек. И девочка, которая выглядела намного взрослее меня, и, я не помню – то ли она мне казалась вредной, то ли она вообще была вредная, а может, просто испытывала ко мне симпатию какую-то – она ко мне подошла, и очень сильно ущипнула за локоть. Я расплакался. На что она сказала мне, что моряки не плачут. И я осознал всю трагичность реальности. Я снял бескозырку и больше не надеялся стать моряком, что, в общем-то, наверно, в какой-то степени даже очень неплохо.

Также, еще позже, я хотел быть... нет, я не хотел быть художником, я просто был потрясающим художником в начальных классах. Я просто от природы хорошо рисовал, чувствовал светотени без того, чтобы кто-то мне объяснял, как они работают. Помню, на уроке по рисованию нас попросили... нет, нас не просили. Школы были другими тогда: нам приказали нарисовать какое-то проволочное изделие из металла. Естественно, все начали рисовать держатели под цветы, которые висели на стенах, а я, наверно, впечатленный «Невольником» Лермонтовским, нарисовал разорванную решетку в темнице, довольно искусно переплетенную, и

там реял орел молодой. Я не знаю, почему преподавательница не оценила всей поэтичности образа, ну, в общем-то, за это была поставлена двойка и вызваны родители. Мне и по сей день кажется это очень абсурдным. Сегодня бы, наверное, за это поставили пятерку, и вообще: наградили бы медалью. Так вот, это подорвало мое желание рисовать, но точку поставило на моей карьере живописца событие, которое произошло чуть позже. Я очень успешно обменивал рисунки, скопированные с мультфильма «Ну, погоди!», (я просто по памяти рисовал волка и зайца) на какие-то безделушки. У некоторых одноклассников были пластмассовые индейцы – это солдатики моей мечты, потому что у меня, по каким-то причинам, игрушки были менее продвинутые. И индейцев пластмассовых, соответственно, у меня тоже не было. Я понял, что чтобы скопить хорошую коллекцию индейцев со всевозможными томагавками, нужно запустить тяжелую артиллерию. Тогда я перерисовал мамин журнал мод без одежды. За день я скопил невероятную коллекцию индейцев, и, похоже, меня кто-то слил, потому что утром я обнаружил склад непроданных картин у себя на кровати. Вошел папа и сказал, что если еще раз увидит у меня такие картины, он маме расскажет. На этом закончилась живопись в моей жизни, что, наверно, тоже неплохо, потому что, все-таки, живописец – это человек с бородой и в свитере, а это уже как-то близко к теме барда.

Позже я чуть не стал модельером. Лет в тринадцать или

четырнадцать я увидел во Дворце Пионеров на одном мальчике-музыканте какую-то фуфаечку с накладными карманами и с какими-то приштопанными полосами. Купил он ее где-то в Петербурге, тогда еще в Ленинграде, и она была такой фирменной... на самом деле, я думаю, что она была самопальная, но нам говорилось, что она очень иностранная. Я опять же, по памяти, набросал картинку. Закупил пленки голубые, потому что они самые дешевые были. Я их купил и половину из них покрасил в серый цвет. По-моему, в то время таблетки были такие с серой краской. В общем, я целую кастрюлю наварил этих серых пеленок и сшил такие же комбинированные фуфайки: голубые и серые. Тогда это были жутко модные цвета. То самое время, когда в Петербурге начали носить странные висящие пиджаки. Так вот: я сшил эти фуфайки, и они получились невероятно иностранные. Пошел на рынок, продал за полчаса шесть штук по пятьдесят рублей – это приравнилось примерно к месячному заработку в районе КЖБИ, районе, где я жил в Костаное. Я прямо-таки полчаса жил в раю, пока не выяснилось, что за мной следит милиция. Меня, значит, поймали, такого самого страшного преступника, и стали выяснять, откуда я такой фарцовщик взялся. Я зачем-то сказал, что купил эти фуфайки в Ленинграде, на что мне стали приписывать статью. А мне ведь, на секунду, было всего лишь тринадцать или четырнадцать лет. Так вот, привезли меня домой и стали родителям рассказывать, что я фарцовщик, и меня нужно су-

дить. На что мама сказала, что я сам сшил эти фуфайки. Они поверили только после того, как она показала все обрезки около швейной машинки. В итоге, посадить меня, разумеется, не посадили, но триста рублей отняли. Я не знаю, в казну ли города, себе ли, но факт остается фактом: трехсот рублей не стало. Я понял, что эта карьера тоже какая-то невыгодная и опасная. И не стал модельером, что, наверно, тоже хорошо. Потому что те модельеры, которых я пока знаю, именно мужчины-модельеры, это, все-таки, не мой стиль.

Однако именно в том самом Дворце Пионеров, где меня посетила мысль стать модельером, я однажды окончательно и бесповоротно понял, что хочу быть артистом. Тогда появились первые ВИА (вокально-инструментальные ансамбли). И во Дворце Пионеров был тоже такой ВИА. Меня взяли в него запасным басистом. В какой-то момент «основной» басист заболел, и меня поставили играть на танцах. Тогда я еще играл невыносимо плохо, но уже тогда понял, что быть на сцене одним из четверых круче, чем под сценой одним из четырехсот танцующих. В общем, в то время, возможно, меня не музыка подкупила, меня подкупило как бы сияние рампы...

Итак, в музыкальном училище я получил свой диплом дирижера народного оркестра. Почему-то нам выдавали диплом дирижера народного оркестра... абсурдная ситуация, где взять столько оркестров? Тем более народных... Ни разу не пригодился мне этот диплом, что в общем-то вселило в меня такое недоверие к дипломам вообще. После этого я не заканчивал ни одного учебного заведения: я туда заходил на месяц, на год... Я присутствовал ровно столько, сколько мне это было интересно, а интересно там бывает недолго обычно. Очень быстро понимаешь, что любая наука является до какой-то степени лженаукой, и там, где интересное пропадает, то правды уже не ищешь и идешь как бы дальше, где тебе может быть интересно вновь. Я вообще всегда шел туда, где уму было развлечение, потому что жизнь можно скра-

силь только саморазвитием. Время коротается тогда, когда ум не зависает во времени и пространстве, где ничего не происходит. Было время, когда я встречался с девушкой, которая была очень хорошей художницей, и, следовательно, мы вместе ходили в Академию Художеств на Восточные Искусства... В армии я познакомился с сержантом, который нашел во мне слушателя, и он мне пересказал все фильмы, которые он видел. Фильмы не мейнстримовские, а с арт-уклоном. В общем, наверно, я просто встречал людей, и от них зависело направление, куда я двинусь дальше.

Армия

Попал я в армию самым глупым способом. После музыкального училища я по распределению попал в Костанай – свой родной город. Помнится, распределение было какое-то непонятное, потому что меня никуда не прикрепили. То ли я ошибаюсь, и меня прикрепили к филармонии, а я пришел, и они, узнав, что через несколько месяцев мне нужно в армию, сказали «нет, ты нам не нужен». И я не понимал, что делать, проболтался какое-то время, и уже на излете девятнадцатого своего года понял, что нужно пойти уже в армию сходить, чтобы потом жить спокойно. Я пришел в один из последних дней декабря, и оставалось уже одна или две «отправки» солдат. И вот эти две последние отправки были как раз теми остатками, которых никуда не взяли. Это были строительные, военно-строительные отряды: это как стройбат, только еще менее уважаемые войска... Хотя куда менее?... Я понял, что я попал, когда просто пришел к поезду, и у меня забрали паспорт. Я сел в вагон и увидел, что нахожусь среди пятидесяти сидельцев, либо с криминальным уклоном людей. Ты просто понимаешь, что из человека ты можешь превратиться в существо бесправное... да что уж там: меньше, чем в существо бесправное, за миллисекунды, когда у тебя забирают паспорт. Не хотелось бы начинать рассказ об армии с самого мрачного, но, в общем, пока мы только ехали в свою часть в

Ижевск из Костаная, мы остановились на какой-то станции маленькой: была то ли пересадка, то ли еще что-то... хочется обозначить лишний раз, что со всеми вокруг мы действительно были из разных-разных миров совершенно. Так вот, и шестеро этих ребят стали выводить меня на конфликт. Они пытались унижать меня, на что я не согласился, и тогда они вшестером пригласили меня на улицу. Почему-то офицеры на это полностью закрывали глаза. Эта компания пыталась меня избить, что, в общем-то, у них не получилось. Я был маленький, но юркий. В конце концов, уже на следующий день после паспорта, я узнал, как из здорового человека ты можешь в одну секунду превратиться в инвалида. Один из той компании сказал: «Я вижу ты нормальный мужик, давай руку». И когда я, дурак, дал ему руку, то из-за него вылетела рука с кастетом, которая мое лицо просто в ничто, в мясо раскрошила. Вот таким я и приехал в войска, где давно забыли слово «милосердие». И то, что я не мог есть, разговаривать, абсолютно никого не волновало, особенно офицеров, ну, если можно их этим высоким словом назвать. В армии я видел парня из Таджикистана, который... который сидел в медчасти и у него просто не было части черепа. Он трясся и не понимал, что происходит... А, офицер, к слову, который занимался больными, был самым жестоким офицером этой части. Я не знаю, что случилось с этим парнем, но я знаю, что одиннадцать процентов наших солдат погибли – и это при том, что за два года мы так и не держали в руках ору-

жия. Погибли междоусобками. Видимо, когда человек приезжает инвалидом, то его оставляют более менее в покое. И я так более менее отшельником и прожил два года в армии. Там я увидел много чего страшного... например, эти зоновские все штучки, когда тебя душат полотенцем во сне и многое другое... Не буду рассказывать всех прибауток, которые там имели место быть... Но да, эти два года оставили сильный отпечаток... Я не знаю, наверно, в аду еще придумывают что-то пожестче, но в принципе, я думаю это сравнимо с адом, но или как минимум это был предбанник ада. Или шоу-рум ада.

Тем не менее, в армии я выучился играть на саксофоне. В любой так называемой части должен быть оркестр. Без музыки там никуда, конечно. Прапорщик-белорус провел опрос, кто и на чем умеет играть, однако на мой ответ, что я умею играть на баяне, интереса проявлено не было. Мне пришлось соврать наполовину, что я умею играть на саксофоне. На самом деле, я за три месяца до армии купил саксофон, но играть на нем научиться не успел, конечно. Вообще, в армии инструментом является только духовой инструмент, ну или ударный как минимум. Прапорщик заинтересовался мной, и взял меня в музыкальный взвод с условием, что мне родители вышлют саксофон. И дальше было условием за две недели выучить сорок маршей. Стимулом учить было то, что если ты не сдаешь в день два или три марша, то сержант посылает тебя чистить так называемые «очки», и их чистить уже нет смысла, потому что они уже давно были убиты. Кстати, очень странное дело, но чистили их почему-то красным кирпичом. Видимо, это продолжение той известной присказки о том, что в армии «круглое носят, а квадратное – катают». В армии мой ум страдал действительно, потому что он искал во всех действиях логику... которая отсутствует. Хотя, кто знает, может какой-нибудь химик мне однажды объяснит, почему железные никелированные толчки мы чистили красным кирпичом.

В армии сержант проникся ко мне видимо из-за того, что я был единственным, кто отражал как-то любовь к поэзии, всему красивому. Я уже упоминал, что этот сержант в армейские годы пробудил во мне еще более сильную любовь к литературе и искусству. Ему было больше не с кем общаться на возвышенные темы, и именно поэтому весь взвод шел чистить от снега плац, а мы сидели с ним и пили чай. За это, разумеется, меня весь взвод опять же недолюбливал. Но в армии есть подлое слово «приказ». Поэтому ты постоянно должен либо выполнять приказ, даже чувствуя, что это подло, либо не выполнять и тупо физически от этого очень страдать. Третьего варианта не было вовсе. Зато после того, как ты выходишь из армии... из этой школы подлости, ты понимаешь, что наверно на свете нет ничего, что могло бы тебя очень сильно огорчить.

Карьера

После службы я переехал в Ленинград.

Когда я еще в двадцать один год решил стать артистом, в Ленинграде с моей фамилией был очень известный певец – Олег Кваша, а в Москве – актер Игорь Кваша. Мне показалось, что как-то слишком много людей с такой фамилией на метр квадратный. И я понимаю, что все достали бы меня одним и тем же вопросом, родственники мы или нет? Я еще тогда не знал, что существует город Кашин, я тогда даже не знал, что фамилия Кашин вообще существует на самом деле. Я просто где-то однажды услышал, что остались всего два по-настоящему русских слова: это каша и сено. И подумал, почему бы мне не изменить немножко, тем более что «каша» звучит довольно здоровым и питательным словом.

Итак, я переехал в Ленинград и начал играть на саксофоне на улице. Кстати, еще до армии в самолете, когда я как раз летел за саксофоном в Петербург, рядом со мной сидела красивая девушка, для меня тогда уже очень взрослая: ей было лет двадцать шесть, наверно, а мне меньше восемнадцати. Так вот она взяла мою руку и сказала, что я стану известным на всю страну, и даже больше, чем на всю страну. Я почему-то это запомнил, однако когда я играл на саксофоне после армии в Петербурге, я не думал об этом: Ленинград был таким волшебным! Это было то постсоветское время, когда Горбачев всю эту шарманку развалил, и все в нищете, в абсолютном непонимании, что происходит, стоят с талонами в очередях на еду, а в Петербурге фарцовщики бегают в каких-то космических кроссовках, эти финны-иностранцы. И ты просто ходишь там, как собака в цирке, а вокруг все шевелится и блестит, и ты даже не понимаешь, что это такое, но тебе хочется быть частью этого. А там еще и ленинградское телевидение, которое тогда было самым модным на всю страну, оно было действительно каким-то свежим и свободным. Я помню была передача «Кружатся диски» с Максимом Леонидовым – ее смотрели абсолютно все. Потом появился «Музыкальный ринг», где соревновались все звезды: Сергей Курехин, Борис Гребенщиков, группа «Браво», «Секрет» и многие другие... И это было невиданно до толе. А так как у меня не было прописки и, соответственно, тало-

нов на еду, меня не могли взять никуда на работу. Да, меня хотели взять на телевидение, чтобы я писал музыку, и, помнится, еще куда-то, но узнавая, что у меня нет прописки, все это заканчивалось. Так что единственным способом зарабатывать деньги, было играть на саксофоне. И, надо сказать, мы были первой профессиональной уличной компанией, командой, которая зарабатывала действительно очень большие деньги по сравнению даже с петербуржцами. Ко мне через полгода из Костаная приехали Витя Бондарюк, Саша Кнаур, и Дима Копотилов... И Копотилов с Бондарюком в то время были такими шустрými парнями! Они быстро сообразили, что те произведения, которые я играю на улице, не принесут много денег, что нужно играть Одесские песни – сегодня это называли бы шансоном. И действительно, Бондарюк так классно подделывал одесский акцент! Он говорил: «Привет вам из Одессы!» И все петербуржцы начинали верить тому, что мы одесские парни. Мы зарабатывали какие-то невероятные большие деньги, даже придумали первые ноу-хау, как больше зарабатывать денег: например, кто-то из этих ребят сказал, что неправильно играть одни хитовые песни, нужно петь одну хорошую песню и одну скучную, потому что когда мы запруживаем переход, а переход наш был от Пассажа к Гостиному Двору. Когда мы запруживаем, мало того, что мы мешаем людям проходить и нас милиция тревожит, так мы еще и не даем людям, которые из последних рядов смотрят, подойти к кофру и бросить деньги. Поэтому нужно, чтобы

люди приходили, послушали одну песню, на второй бросали деньги от счастья, а на третьей песне начинали скучать и уходили бы... С задних рядов к тому моменту только подходили бы и успевали понять, что происходит, как мы заиграли бы новую хитовую песню... И вот так, как бы немножко унижая себя как артистов, мы стали зарабатывать на порядок больше денег. Потому что тщеславие, конечно... Потом я понял, что в жизни, избыточное тщеславие мешает зарабатывать много денег.

Тех денег, которые мы зарабатывали в то время, хватало на то, чтобы снимать квартиру или комнату в коммуналке. Хватало на то, чтобы покупать по фарцовым ценам продукты, которые не продавались по талонам. Более того, у меня хватило денег, чтобы записать 15 песен для пластинки «Гномики». Да, это было несколько разных студий, потому что выбирались они по принципу, где дешевле. Звук был очень разный и чаще всего отвратительный, но каким-то чудом я записал свою первую пластинку. И, по-моему, она была последней на студии «Мелодия», потому что на моей пластинке в Питере перестали выпускать винил вообще. Как только моя пластинка появилась в магазинах, тут же с полок стали стремительно убирать винил и замещать их CD-дисками. Поэтому желанной большой славы мне пластинка «Гномики» не принесла. Ей сейчас двадцать пять лет исполнилось, кстати.

Славу мне принес первый видеоклип «Город», который я снял довольно нечаянно: почему-то я поехал к своим друзьям в Одессу. Там по телевизору я увидел, наверно, первый вообще так называемый игровой видеоклип Юрия Шевчука на песню «Дождь». Там на столе лежали кубики, и них все было построено. Прямо сто рублей стоил клип на сегодняшние деньги. Я подумал, что это достаточно бюджетно для меня.

В то время еще рухнул Советский Союз, и появились первые жутко богатые бизнесмены, продающие матрешки. Мои друзья. Они, конечно, себя считали галерейщиками, потому что помимо матрешек они продавали еще и картины. Продавалось это все во Дворце Труда, если кто помнит Дворец Труда. Я не знаю, как его изначально называли, сначала был Дворец. Это был невероятно богатый дворец. Находился он на площади Труда, соответственно. И весь второй этаж был занят этой вот галереей моих друзей. Именно туда в Петербург ломились потоки иностранцев: видать была какая-то договоренность, потому что они завозили прямо туристическими автобусами туристов к этому Дворцу. Туристы проходили, купали все, что можно. Я точно не вспомню всех рывков доллара, но, нужно понимать, что еще совсем недавно доллар стоил пятьдесят шесть копеек, как вдруг он стал стоить пять рублей или даже больше. Было даже время, когда доллар был сопоставим с зарплатой за день, за два дня. На тот момент я еще играл с группой «Духи»: мы очень дружно проработали с ними два или три года, так и не сыграв ни одного платного концерта, то есть все концерты были бесплатными. И вот, когда нас пригласили на первый фестиваль, то ли в Швецию, то ли в Швейцарию, нам должны были заплатить тысячу долларов за этот фестиваль. И тогда руководитель группы решил, что ему лучше одному поехать. Вернее, он решил, что выгоднее набрать новых музыкантов. Для меня это был счастливый случай, потому что нашими друзьями-

ми и спонсорами были, как раз, те два молодых парня-галериста, которые видели, что все музыкальные составляющие в группе делаю я, и по характеру, наверно, я был все же по-симпатичней. И они, зная, что я сочиняю свои песни, после этого случая сказали: «На, Паша, тебе восемьсот долларов и сними клип».

Так вот, я нашел режиссера, Бориса Деденева. Пожалуй, он в то время был единственным клипмейкером в стране. До него мы видели только зарубежные клипы. Да, у нас тоже что-то снимали, но это было типа просто студии, в которой артисты просто играют – не было никакой композиции. Не было и намека на те игровые видео, которые создавал Деденев. Он был первым. Первым, к кому пришло понимание, что клип должен быть сокращенным рассказом какой-то истории. Конечно, это быстро прошло и клипы стали простыми нарезками из красивых, движущихся картинок. Но я думаю, что моей публике как раз и нравилось, что в Деденевских клипах были заложены маленькие сказки.

Пришел я к Деденеву в рваных джинсах, не потому что я был модный очень, а потому что у меня действительно были одни джинсы, и они были рваные. Слава Богу, в нормальных местах хоть были рваные. Мне тогда было двадцать два-двадцать три года, а выглядел я на семнадцать, даже на шестнадцать: я всегда выглядел меньше, чем нужно. Деденев и вся его команда встретили меня. Все были взрослыми дядями: как мне показалось, кому-то на взгляд было лет по сорок да-

же. Так вот, я пришел к нему, дал свою кассету, сказал, что у меня есть вот такой альбом и есть восемьсот долларов. В ответ вся эта группа посмотрела на меня с пониманием и сочувствием, сказав, что ну на восемьсот долларов, конечно, снять клип невозможно. Однако они все же взяли кассету, как бы из сострадания, что ли. И я пошел немножко разочарованный в сторону дома. Офис у них был на Миллионной улице, как сейчас помню, рядом с Эрмитажем. И совсем недалеко я жил у друзей в бесплатной комнате или квартире на Прачечном переулке. И я шел-шел, и где-то ходьба у меня заняла минут сорок пять, это длина альбома, как раз, моего альбома. Вхожу домой, и звонит телефон: я поднимаю трубку, и мне директор Деденева, Ирина Ковалева, говорит: «Паша, ну, мы поставили твою кассету. Вот, и все кто был, они, ну, собирались расходиться, но никто никуда так и не разошелся, мы дослушали кассету полностью, и поняли, что нужно что-то сделать на твои восемьсот долларов». Ирина в съемочный период заставила ездить старинные мосфильмовские машины... BMW какие-то, если не ошибаюсь. Я думаю, что тогда еще время было, когда никто не снимал кино, и именно поэтому машины так дешево всю ночь ездили. Для съемок был арендован Дворец шикарный: Дворец Труда с лестницей, по которой я сбегаяю. Вся та сказка, что была в клипе – это все было идеей Деденева. Мне не хватило наглости прийти с 800 долларов и еще посметь настаивать на том, чтобы я тоже принимал участие в написании сценария.

Нет уж, пишите как угодно и где угодно, но так, чтобы на это хватило 800 долларов. Да, вот такой короткий пересказ «Принца и нищего». Это был мой первый настоящий опыт съемок клипа, и первый опыт того, как просидеть всю ночь, всю холодную ночь на улице. Но я понял, что шоу-бизнес это не все пирожки да пышки, но синяки и шишки. Я уже пришел к осознанию того, что вступил на этот путь, и другого не видел.

Песню для этого клипа выбирали всей командой. Но я думаю, что мнение Деденева было все же главным. Весь коллектив без особых сомнений сказал мне, что это лучшая песня. Да, я не был с ними согласен, но по прошествии времени оказалось, что они все же были правы.

Клип «Город» каким-то образом стал очень популярен и на некоторых каналах он стоял в ротации: я думаю, все граждане Советского Союза, у кого на тот момент были телевизоры, да те, у кого их не было, видели этот клип. Я действительно стал известным, но так как титры не подписывали тогда, люди знали, что есть такая песня, а кто ее поет, не знали. Концерты мои платные начались где-то года через два после выхода клипа. Я имею в виду серьезные концерты. А первое время, пока я не был известен, я выступал в клубе «Стардаст». Люди узнавали, что это песня моя, когда приходили в этот клуб. «Стардаст» находился в нынешнем планетарии Петербурга. Он и держался бандитами, и посещался ими. По-моему, исключительно ими. Не знаю: я разговаривал с другими артистами, выступавшими в те времена, сведения разнятся. Но, думаю, что это нормально, когда в клубе, выступление начиналось то ли в одиннадцать, то ли в двенадцать ночи. Ну, и, конечно, до утра. И у каждого артиста было по несколько выходов совсем за немаленькие суммы. Тогда сто долларов считались очень хорошими деньгами. И я считал, что это совершенно нормально, когда в клубе вдруг начинается перестрелка, и вдруг кого-то выносят, причем тянется кровавый след, а все действуют так, будто бы ничего особенного не произошло. Я так понимаю, что все люди там были определенной закалки. И если вдруг какая-то танцовщица нравилась какому-то посетителю, то на-

чинались какие-то терки на уровне клуба: девчонки пытались убежать через служебный вход, какими-то тайными тропами, но это не всегда получалось. И я помню, что я сидел то ли с хозяином, то ли с директором клуба, потому что тогда это было никому не ясно. Скорее всего, просто с директором. И два реальных пацана (у бандитов их называли торпедами: это низший класс бандитов, которых запускают как пушечное мясо) чего-то добивались. Точно не вспомню, чего именно, но по-моему, дело касалось как раз танцовщиц. На что директор сказал, что это невозможно. И он пошел разбираться на улицу: там собиралось сразу несколько группировок, насколько я понимаю. Причем, когда возникали обычные конфликты, никто не пытался быть рыцарем, как это показано в фильмах: главным способом нужно было схватить за волосы. Я до сих пор не понимаю, неужели в пятнадцатом веке люди были как-то с большим набором правил, чем люди в двадцатом. Это та причина, почему все бандиты ходили лысыми, соответственно.

Когда я обычно возвращался из клуба, мне нужно было перейти через разные разводные мосты. Могла случиться такая ситуация, что я подходил к главному мосту (тот, что от стрелки Васильевского острова к Эрмитажу) и вдруг, прямо как в сказке, возникало около сорока автомобилей и из всех появлялись люди и начинали стрелять. Ты оказывался посередине этой перестрелки. Наверно, действительно мне повезло с моими ангелами-хранителями, потому что, мне ка-

жется, что там прятаться было бессмысленно, потому что все было в каком-то хаосе. Просто я как-то так сторонкой отходил-отходил и оказывался вне резни, обстрела.

В то время у меня была девушка Лариса – она была телевизионщицей, и они снимали про меня какую-то передачу. Снимали они передачу, естественно, потому что тогда ни рок-н-ролл, ни телевидение не могли жить друг без друга и не могли существовать без обмывания любого удавшегося дела. То есть все считалось, что всегда нужно все отмечать. Собственно, для двадцатилетнего парня с хорошей печенью весьма привлекательная перспектива. А так как я получал в клубе чуть ли не по сто долларов за концерт, я был среди этой съемочной группы олигархом, правда, думаю, после продюсера, который владел бюджетом команды. Помню, мы обмывали успех и у нас заканчивался алкоголь. Я сейчас не помню, продавался ли ночью тогда алкоголь или нет, но где-то мы все же покупали в больших пятилитровых банках спирт «Рояль». Спирт этот был то ли польский, то ли еще откуда-то. По-моему, я тогда вместе со своей Ларисой поехал куда-то и раздобыл этого «Рояля» на всю команду. Все это веселье проходило параллельно с монтажом передачи, конечно же. Причем, по-моему, в монтажной. Не представляю, как эти монтажники там чего-то делали. А суть в том, что мы всю физику и химию проверяли как бы в реале. Оказывается, если быть настолько эстетом и смешивать «Рояль» с водой, то он очень сильно поднимается в температу-

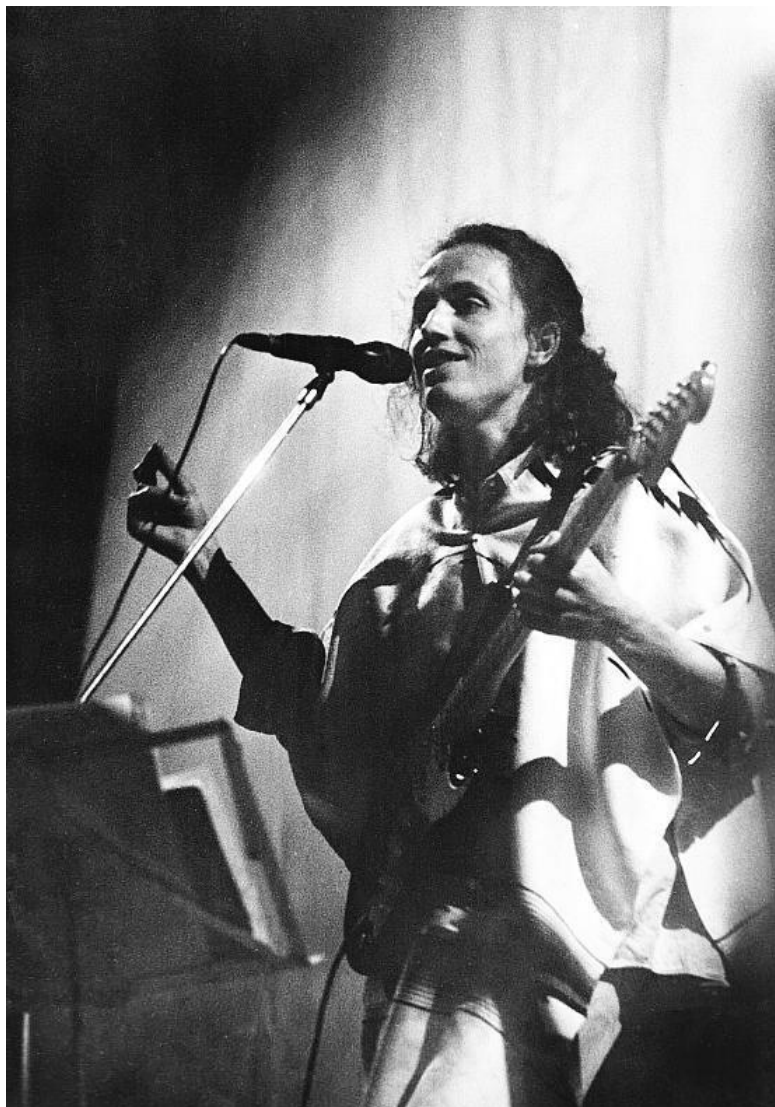
ре, становится почти горячим. А когда он становится горячим, то, чтобы сразу не умереть, ну, или, как минимум, не упасть с копыт, нужно подождать, чтоб он остыл. Но так как мы были молоды и вечные, бессмертные, мы не могли ждать пока «Рояль» остынет и пили его горячим.

И вообще, мы с Ларисой в то время очень часто оказывались в переулках богемной жизни, очень часто оказывались в ситуациях, где вокруг были одни бандиты. Возможно, потому что ночные заведения были по карману только бандитам. Каким-то чудом мы всегда проходили за богему, потому что меня правда многие знали. Я в то время был настолько идиотичен и безбашен, что со мной сдружились все бандюги. А я же, не осознавая всю серьезность ситуации, чтобы познать все тонкости мира, иногда с ними ввязывался на дело, посмотреть, что они творят. Да, много повидал я ситуаций... Разумеется, все машины у моих «друзей» были краденными: BMW, Mercedes – это все было краденное, либо купленное где-то за три копейки.

Такие фрагменты в памяти всплывают, как мы вставали перед светофором и рядом вставала «Милиция», которая тогда еще была на «Жигулях». Открывались форточки, они перекидывались словами, был явно такой ковбойский разговор. После чего водитель бандитской машины говорил: «Ну, что? Посоревнуемся?». И нажимал со всей дури на газ. Тогда было непонятно абсолютно, кто у кого в подчинении, и кто за кем смотрит...

Как известно моей публике, многие песни с той самой пластинки «Гномики» впоследствии были перезаписаны на компакт-диски, в альбомы. Однако какие-то песни так и остались вечно на виниле. Многие спрашивают меня, не хочу ли я оставшиеся произведения включить в свой новый альбом. Поясню. Во-первых, конечно, за двадцать пять лет на сцене я изменился очень сильно. В свои пять лет, например, я сочинил два стихотворения про матроса, который идет с тачкой против ветра. Естественно, это стихотворение ценно как мое первое стихотворение, но это же не значит, что его нужно включать в альбом. Наверно, я не настолько сентиментальный, чтобы умиляться на себя же, каким я вот был прелестным мальчиком. Мне нравится публиковать песни, потому что они меня трогают сегодня, причем, важны они именно сегодня. Я даже иногда пишу больше одного альбома в год, потому что чувствую, что не нужно ничего ждать, их нужно выдать прямо сейчас. Потому что они написаны по новостям, как песня «Москва12»: она просто написана по новостям московским двенадцатого года. Около песни «Life is beautiful» в альбоме также стоит конкретная дата, когда я написал песню. И, чтобы было понятнее слушателю, альбом нужно выпустить прямо в этом же году, чтобы человек, услышав эту дату, вспомнил, что он видел этот день, который я описал, и ощущал то, что он чувствовал тогда. Сегодня большинству людей даже непонятно, кто такой наборщик, например, никто даже не знает что такое факс –

и это уже не говоря об идеях, которые были тогда. Думаю, сегодня они покажутся необъяснимо нелепыми и неинтересными. Наверно сейчас уже есть большое выросшее поколение, которое не помнит жизни без компьютеров, например. И как с ними разговаривать, я пока не знаю. Я смотрю на новую молодежь и понимаю, что мы не разные поколения, мы разные виды, особи разных видов животных в принципе. Да, я пытаюсь умиляться сленгу молодежи, но и тут мне кажется, что в нем нет какой-то лихости, которая была в нашем сленге.

В 1993 вышел в свет мой первый компакт-диск «По волшебной реке», который и по сей день является самым крупным в карьере, так как в него входят 23 песни. Объясняется все тем, что к тому моменту у меня скопилось много песен. Да и за молодого, неизвестного автора компании не бьются, чтобы его издать. А когда ты не предполагаешь, будет ли у тебя вообще второй диск, то единственным верным решением было собрать все песни в один диск и выпустить его.

С 1992–1996 годы вышло несколько клипов на мои песни. «Город», «Гномики», «Песня китайских цыган», «Сердце», «Сверчок», «Жизнь», «Чайка» и «Подсолнух» ... Первыми видеоклипами были «Город» и «Гномики». Первым вышел «Город», он стал очень известным. Потом второй видеоклип «Гномики» добавил новую известность: его полюбили дети и их родители. Затем «Песня китайских цыган». Этот клип не так сильно улучшил ситуацию, но, в принципе, тоже сыграл свою роль. Затем появился «Сверчок».

Свой второй альбом я назвал «По небесным грядкам», потому что мне показалось, что это чем-то похоже уже на серию дисков: один «По волшебной реке», второй «По небесным грядкам». Мы же любим сериалы. И любим, когда все, в принципе, похоже на сериалы.

Презентация моего альбома «Жизнь» прошла уже в больших залах. Так, например, в Москве в 1995 году это был Государственный концертный зал «Россия», а в Питере в 1996

году – концертный зал «Октябрьский». Эмоции, конечно, мной овладевали в тот момент страшные: для меня все это было совершенно новым, потому что, да, тогда был пик моей первой популярности. Я помню, что мои музыканты даже испугались... Юлия Михайлова говорила за сценой: «Паша, а может быть так, что от страха живот болит?». Я говорил: «Ну, вообще, да: пятьдесят процентов солдат перед боем себя хуже чувствуют». А вообще «квартирники» и вот такие большие концерты – это совсем разное. Дело в том, что даже шоу-бизнес делится, все-таки, на большой сценический и такой Independent. Надо сказать, что тогда были все же другие представления о концертах: почти все артисты могли собрать если не спорткомплекс, то четырехтысячный зал. После нескольких кризисов ситуация кардинально поменялась. Возможно, концерты девальвировались с появлением повсеместно Интернета. Пиратство очень сильно ударило по шоу-бизнесу: зачем ходить на концерт и покупать CD, если можно просто скачать все песни из Интернета или очень дешево купить пиратский диск?

В 1997 году, можно сказать, на пике своей карьеры, я уехал в США. Однако уже через пару лет я вернулся обратно в Петербург.

В 2002 году я переехал в Москву и по сей день тут. Наверно, если я бы не разошелся тогда со своей женой в Петербурге, я бы в Петербурге жил по сей день. Но так сложилось, что мы не могли жить ни порознь, ни вместе, и одного города на двоих нам было мало. Поэтому мне пришлось сесть в машину и переехать в другой город. Понятное дело, что из Петербурга можно переехать только в Москву, если ты деятельный человек. И я на тот момент понимал, что пишу альбомы и собираюсь так же их писать, играю концерты и пла-

нирую их так же играть, а в России это можно делать, только находясь в Москве. По Питеру я не скучаю, потому что бываю там как минимум раз в месяц. Этого вполне хватает. У меня ощущение, что город становится ярким, когда я в нем живу: это как компьютерная программа, где ты активируешь какой-то значок, и он начинает действовать, а когда ты выходишь из программы, он как бы засыпает. Ощущение, что и погода была лучше, и люди веселее и интереснее, когда я там жил. Может быть, это просто меня перестало с Питером что-то связывать. Хотя я помню, что, когда я переехал из Петербурга в Москву, потом услышал, что в течение года очень много питерских артистов также переехало: юмористы, актеры, телеведущие, радиоведущие, прямо десятками.

Где я только не жил в Москве. И в сталинском дома на Баррикадной, и в Серебрянном бору, и в «Москва-сити».

В какое-то мгновение я решил переехать из «Москва-сити», чтобы не потерять совсем веру в человечество. Решил, что нужно ближе к земле. И переехал. Точнее, не переехал, а просто перешел через пешеходный мост. Переехал специально в отшельническую квартиру, где есть только рабочий стол, музыкальные инструменты, спальное место и телевизор. А эта квартира, это место, меня все же вдохновляют. Тут, ежедневно, я встаю в пять-шесть утра, пью кофе с сыром и перематываю новости все в телевизоре и гороскоп: ведь в жизни должно присутствовать что-то волшебное. Затем сажусь либо перевести что-то с французского, немецкого или английского на русский, либо написать что-то или хотя бы просто почитать что-то... К десяти иду в «Москва-сити» зав-

тракать. Год назад, кстати, я решил для себя, что практически откажусь от езды на автомобиле. Поэтому я выезжаю раз в две недели на машине – чаще всего это в воскресенье бывает. Все остальное время я хожу. Я считаю, что нужно на завтрак идти пешком, чтоб туда-обратно было хотя бы пару километров. Часто гуляю по городу. До города я доезжаю на лонгборде чаще всего, либо на автобусе. Мне автобусы нравятся намного больше такси, потому что там больше Privacy: больше личного пространства. Тем более, у меня тут автобус ходит прямо до моего любимого книжного магазина на Новом Арбате и он же доходит до Большого театра, откуда можно гулять в обратную сторону. Итак, да, к десяти я иду завтракать, и потом все зависит от того, какие дела у меня запланированы на день. Я тут поселился в девяти минутах ходьбы от спортивного зала в «Москва-сити», в пяти минутах от кинотеатра «Пионер», где фильмы на оригинальных языках показывают, и в пяти минутах от «Медиаметрикс», где я для удовольствия веду передачи свои. Приглашаю моих друзей типа Паши Глобы, Джанго, Наумова, физиогномистов, певцов – в общем, разные волшебники приходят ко мне. Так что я нахожусь как-то в центре, откуда до любой нужной мне точки могу добраться пешком. Надо сказать, что это поддерживает меня в хорошем физическом состоянии, потому что если ты постоянно на машине, то ты перестаешь быть немножко спартанцем. А так нельзя: необходимо им быть. В смысле еды я тоже спартанец: у меня обычно простая еда. Я до сих

пор завтракаю кашами. Для меня еда – это просто топливо, причем чем быстрее ты его закачаешь, тем лучше, поэтому я всегда питаюсь в кафе, где на поднос сам быстро все берешь. Очень часто беру ланчи, потому что в российских условиях это – самая здоровая пища. Из бесед со многими рестораторами, я понял, что только ланч в России всегда свеж, потому что идет большой оборот продуктов. И если ты заказываешь что-то очень редкое, то это, как правило, лежало очень-очень долго. Все мои друзья отравлялись только в самых дорогих ресторанах. Это факт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.